

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-3-50-68

«НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ»: ИЗ ПЕРЕПИСКИ СТАРЫХ НАРОДНИКОВ Н. В. ЧАЙКОВСКОГО И Е. Е. ЛАЗАРЕВА В 1926 Г.

Трухин М. Д., Примаков Д. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: aristei2007@yandex.ru*

Поступила в редакцию 30.04.2026

После доработки 18.05.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Аннотация

Цель. Историческая реконструкция взаимоотношений представителей старого народничества Н. В. Чайковского и Е. Е. Лазарева на фоне общественно-политических событий, происходящих внутри русской политической эмиграции в Европе.

Процедура и методы. В работе проанализированы ранее неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), для выявления биографических сведений о Н. В. Чайковском и Е. Е. Лазареве, а также о других лицах, с ними связанными. Были использованы ретроспективный, биографический и сравнительный методы.

Результаты. Выявлены ранее неизвестные биографические сведения о Н. В. Чайковском и Е. Е. Лазареве, а также в научный оборот введены новые фактические сведения о видных членах партии социалистов-революционеров и других представителей русской эмиграции. В процессе работы была также представлена эволюция взглядов старого народничества в политической борьбе конца XIX – первой четверти XX вв.

Теоретическая и/или практическая значимость. В публикации представлены новые материалы по истории революционного движения в России, связанные с ведущими деятелями народничества. Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшей научной деятельности, направленной на изучение истории России конца XIX – начала XX вв., а также в процессе преподавания дисциплины «История России XX в.».

Ключевые слова: Гражданская война в России, народничество, народные социалисты, революционное движение, эсеры, эмиграция

Для цитирования:

Трухин М. Д., Примаков Д. В. «На пороге вечности»: из переписки старых народников Н. В. Чайковского и Е. Е. Лазарева в 1926 г. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 3. С. 50–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2026-3-50-68>.

Original research article

“ON THE THRESHOLD OF ETERNITY”: FROM THE 1926 CORRESPONDENCE BETWEEN THE OLD NARODNIKS N.V. CHAIKOVSKY AND E.E. LAZAREV

M. Trukhin*, D. Primak

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: aristei2007@yandex.ru

Received by the editorial office 30.04.2026

Revised by the author 18.05.2026

Accepted for publication 30.05.2026

Abstract

Aim. The study aims to historically reconstruct the relationship between representatives of the old Narodnik (Populist) movement N. V. Chaikovsky and E. E. Lazarev against the backdrop of socio-political events taking place within the Russian political emigration in Europe.

Methodology. The paper analyzes previously unpublished archival materials stored in the fonds of the State Archive of the Russian Federation (GA RF). These materials were used to uncover biographical information about N. V. Chaikovsky and E. E. Lazarev, as well as other individuals associated with them. The research employed retrospective, biographical, and comparative methods.

Results. Previously unknown biographical details about N. V. Chaikovsky and E. E. Lazarev were identified. New factual information concerning prominent members of the Socialist Revolutionary Party and other representatives of the Russian emigration has been introduced into scholarly circulation. The study also presents the evolution of the views of the old Narodnik movement in the political struggle from the late 19th to the first quarter of the 20th century.

Research implications. The publication presents new materials on the history of the revolutionary movement in Russia, related to leading figures of the Narodnik movement. The research materials can be used in further scholarly work focused on the history of Russia in the late 19th – early 20th centuries, as well as in the teaching of the discipline “History of Russia in the 20th Century”.

Keywords: Civil War in Russia, narodnichestvo, revolutionary movement, Popular Socialists, Social Revolutionaries, emigration

For citation:

Trukhin, M.D. & Primak, D. V. (2026). “On the threshold of eternity”: from the 1926 correspondence between the old narodniks N. V. Chaikovsky and E. E. Lazarev. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 50–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2026-3-50-68>.

Введение

Эпистолярное наследие русской эмиграции является важной научно-актуальной темой изучения политической и культурной жизни наших соотечественников, оказавшихся за рубежом после начала революционных событий 1917 г. в России. Весьма заметным явлением отечественной историографии является тот факт, что введенные в научный оборот

официальные документы, неизданная публицистика и мемуары представлены значительно полнее, чем частная переписка видных участников тех событий. Между тем именно письма способны передать профессиональному исследователю или просто читателю ту гамму эмоциональных переживаний адресатов, которая, как правило, остаётся вне рамок публичных текстов. Анализ таких доку-

ментов позволяет сочетать не только традиционное исследование политической жизни русской эмиграции XX в., но и выходить на более универсальные вопросы: о природе дружбы, о цене непонимания между близкими людьми и праве на личное оправдание перед судом истории, когда времени на исправление ошибок не осталось. Публикация приурочена к 100-летию со дня смерти Н. В. Чайковского, отмечаемому 30 апреля 2026 г.

Деятельность Н. В. Чайковского и связанных с ним лиц не осталась без внимания отечественных историков. Однако их личная переписка эмигрантского периода не становилась до настоящего времени предметом специального историко-научного анализа. Из числа работ, непосредственно связанных с темой публикации, необходимо отметить следующие. Сегодня биографические сведения и общественно-политические достижения Чайковского отражены в монографии историка Н. А. Макарова [1], а также в нескольких крупных научно-энциклопедических статьях, ставших на сегодняшний день основными справочными источниками по данной теме¹. Наряду с этим в историографии представлены работы, посвящённые лицам, связанным с Чайковским на различных этапах его жизненного пути, и прежде всего Е. Е. Лазарев, эпистолярное наследие которого получило определённое освещение в научной литературе [2; 3]. Общий контекст политической деятельности героев, публикуемых писем представлен в новейшей коллективной монографии, посвящённой истории российских социалистических партий конца XIX – начала XX вв. [4]. Таким образом, несмотря на имеющиеся исследования, тема эпистолярного наследия русской политической эмиграции в целом

и переписки Н. В. Чайковского в частности нуждается в дальнейшей научной разработке и введении новых источников в исторический оборот.

Николай Васильевич Чайковский (1850–1926) родился в г. Вятке, обучался на факультете физико-математических наук Санкт-Петербургского университета, получив степень кандидата естественных наук. В 1869 г. вступил в революционный кружок, вошедший в историю под названием «кружок чайковцев», и стал его моральным лидером. Летом 1873 г. во время поездки по России с целью укрепления связей между революционными кружками произошло его знакомство с самарским гимназистом Егором Егоровичем Лазаревым (1855–1937), впоследствии видным участником революционного движения, публицистом и одним из основателей партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеров).

Пережив разгром народнического кружка, Чайковский увлёкся учением о «богочеловечестве» и в 1874 г. эмигрировал в США, где основал земледельческую коммуну. Вернувшись в Европу в 1879 г., он вскоре обосновался в Лондоне и в 1891 г. принял участие в создании Фонда вольной русской прессы. Именно деятельность Фонда вновь свела его с Лазаревым, к тому времени дважды пережившим ссылку и бежавшим из Сибири. В 1894 г. Лазарев вернулся в Европу, став представителем Фонда в Париже, и эта встреча положила начало многолетней дружбе.

Последующие десятилетия лишь углубили как близость, так и различия между двумя друзьями. Чайковский, арестованный в 1907 г., прошёл через тюрьму и следственный процесс, завершившийся оправдательным приговором, и постепенно отошёл от радикальной политической деятельности. Лазарев в те же годы оставался рядом, поддерживая друга, однако сам в конце 1910 г. был арестован в связи со студенческими волнениями в Петербурге и выслан за границу. Революция 1917 г. и Гражданская война вновь

¹ Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлёв; отв. секр. А. В. Репников. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 613 с.; Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А. К. Соколин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. Т. 3: Р-Я. 2021. 826 с.

свели их на одной стороне – оба участвовали в антибольшевистской борьбе, хотя и по-разному: Чайковский был связан с Белым движением, Лазарев сохранял эсеровскую партийную позицию. Поражение белых сделало эмиграцию их общей судьбой. Чайковский устроился в Париже, а затем в Лондоне, Лазарев – в Праге. Эта географическая разделённость лишь закрепила ту негласную асимметрию судеб, которая сложилась ещё в годы революционных испытаний: один вышел оправданным, другой – через тюрьму и ссылку. Никогда прямо не названная эта асимметрия, возможно, формировала тот скрытый фон, на котором взаимопонимание между друзьями со временем становилось всё более хрупким. Несмотря на это, они возобновили переписку в 1924 г., а именно это возвращение к личному общению на склоне лет создало ту особую атмосферу доверия и близости, в которой конфликт января 1926 г. оказался столь болезненным для обоих.

На сегодняшний день основной массив переписки Н. В. Чайковского и Е. Е. Лазарева хранится в крупнейших российских архивах – Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ)¹ и Российском государственном архиве социально-политической истории (далее РГАСПИ)². Хронология обмена письмами приходится на 1894–1907 гг. и 1924–1926 гг., что красноречиво демонстрирует два ключевых этапа взаимоотношений Чайковского и Лазарева. С середины 1890-х гг. в России и за рубежом возникают первые неонароднические ор-

ганизации, считавшие себя наследниками идей революционеров 1870–1880-х гг. Закономерным итогом этого процесса стало создание в конце 1901 г. партии социалистов-революционеров – наиболее влиятельной из них, в деятельности которой активно участвовали оба героя публикуемых писем. Поражение Первой российской революции и последовавшие за ним годы реакции подвели черту под этим этапом их совместной политической биографии. На этом фоне и разворачивались события января 1926 г., ставшие поводом для последнего конфликта между двумя старыми друзьями.

Поводом для конфликта стало приветственное письмо Лазарева, зачитанное во время торжественного собрания, устроенного 30 января 1926 г. в Русском доме пражской группой Трудовой народно-социалистической партии (энесов) и посвящённого юбилею Чайковского³. В первую очередь любопытна выбранная автором стилистика письма, в котором текст выглядит отнюдь не как публичное обращение, а частное – личное послание. Уже в этом мы видим, что содержание письма, которое могло выглядеть как проявление искренней близости, пусть даже наполненной дружеской иронией, превратилось в публичную характеристику. Анализ текста письма даёт нам повод уверенно говорить, что автор не стремится обвинить Чайковского, а напротив, защитить от возможных нападок. Между тем реакция юбиляра оказалась далеко не той, которую ожидал Лазарев. Показательно, что своё недовольство Чайковский выразил не в прямом письме к Лазареву, а через Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую (1844–1934) – человека, который по праву считался их общим другом и единомышленником на протяжении десятилетий. «Бабушка русской революции», чей моральный авторитет был неоспорим в самых разных эмигрантских кругах, невольно оказалась

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5805. Чайковский Николай Васильевич, участник революционного движения 1870-х гг., создатель общества «чайковцев», член партии социалистов-революционеров, глава верховного управления Северной области; Ф. Р5824. Лазарев Егор Егорович, народоволец, член партии социалистов-революционеров, министр просвещения в правительстве членов Учредительного собрания (КОМУЧ).

² Российский архив социально-политической истории. Ф. 274. Центральный комитет Партии социалистов-революционеров (эсеров) (1901–1923). Оп. 3. Коллекция документов Е.Е. Лазарева.

³ Чествования Н. В. Чайковского в Праге // Последние новости. 1926. 8 фев.

посредником в этом споре двух старых друзей. Трудно уверенно утверждать, почему Чайковский не обратился к Лазареву сразу напрямую, а предпочёл посредничество через не менее близкого ему человека. Возможно, выбрав такой вариант, Чайковский старался не допустить развитие крупной ссоры, а представить произошедшее недоразумением.

Узнав о реакции Чайковского, Лазарев счёл необходимым объясниться, написав ему письмо 7 марта 1926 г. из санатория в Цирквице, где он проходил лечение. Своеобразие этого документа заключается в том, что Лазарев одновременно извиняется за возможную неуместность своего тона, но не отрицает своих оценок итогов жизни Чайковского. В своём последовательном объяснении он выстраивает целую философию оправдания, где смена убеждений является не признаком бесхарактерности или беспринципности, а признаком ищущего человека. Он не случайно приводит в сравнение жизнь их общего знакомого, лидера российского либерализма П. Б. Струве, который, по его выражению, шёл, в отличие от Чайковского «по прямой линии под гору». С другой стороны, Лазарев намеренно напоминает о людях, с которыми Чайковского связывали годы совместной борьбы и единомышленничества: П. Кропоткине, Э. Реклю, Л. Мишель, Э. Малатесте. Принадлежность к кругу этих деятелей европейского масштаба с безупречной исторической репутацией, по мысли Лазарева, не могла служить основанием для каких-либо обвинений в беспринципности. Показательна финальная самоирония Лазарева – он обещает, что к следующему, 80-летнему юбилею Чайковского непременно отдаст своё поздравление на предварительную цензуру Брешко-Брешковской. Он также пишет о том, что лечится от туберкулёза, но несмотря на это считает прежде всего немедленно объясниться со своим другом и просит Чайковского прислать свою свежую фотографию. Всё это говорит о том, что он

старался не просто погасить конфликт, а намекнуть, что их жизнь продолжается.

Спор о «сменах убеждений» отражал, однако, реальное противоречие в том, как два человека одного поколения осмыслили прожитую жизнь. Лазарев, выстраивая апологию друга, опирался на логику исторического оправдания: каждый переход Чайковского – от богочеловечества к анархизму, от анархизма к эсерству – объяснялся им как закономерный ответ на вызовы эпохи, а не как беспринципность. Чайковский, однако, отвергал саму эту логику, настаивая на том, что его внутренняя позиция никогда не менялась – менялись лишь внешние обстоятельства, в которых ему приходилось действовать.

Ответное письмо Чайковского, датированное 10 марта 1926 г., недвусмысленно свидетельствует о глубине нанесённой обиды. Показательна уже сама лексика – юбилейное послание он намеренно называет не письмом, а «бумагой», а стиль Лазарева характеризует как «аляповатые мужицкие шутки». Главная же обида Чайковского состояла в том, что он расценил слова друга как оценку человека, так и не понятого окружающими. Вместе с тем было бы упрощением видеть в этом конфликте лишь случайное недоразумение. За ним стоял многолетний неозвученный осадок – достаточно вспомнить, что именно Лазарев, переживший арест и высылку в те годы, когда Чайковский вышел оправданным, взялся публично защищать друга от обвинений в беспринципности. Тем не менее конфликт 1926 г. имел иную природу, нежели та давняя асимметрия судеб – это было столкновение не накопленных обид, а двух разных пониманий одной прожитой жизни. Не стоит сбрасывать со счетов и возрастной фактор. Хотя разница в возрасте между ними составляла всего 5 лет, каждый пережитый год на восьмом десятке приобретал особый вес. В течение всей жизни Лазарев не терял оптимизма и в свои 70 лет мог позволить себе иронию и дружеские шутки. Чайковский, человек более эмоционально сдер-

жанный, в 75 лет стоял на ином пороге – там, где публичная оценка воспринимается уже не как повод для полемики, а как последнее слово о прожитом.

Письмо Чайковского от 10 марта 1926 г. оказалось последним в этой переписке – 30 апреля 1926 г. его не стало. Лазарев не написал о нём ни некролога, ни публичного слова прощания. Это красноречивое молчание человека, который так и не нашёл слов, способных исправить невольно причинённую боль, свидетельствует о том, что даже самая долгая и искренняя дружба не гарантирует подлинного взаимопонимания – право человека на собственную версию прожитой жизни остаётся за ним до последнего.

Публикуемые документы представляются оригиналы двух писем Е. Е. Лазарева и

письма Н. В. Чайковского, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 125. Л. 5–7; Л. 9–13; Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 178. Л. 20–22об). Копия письма Н. В. Чайковского также хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 88. Л. 51–52).

Письма публикуются по современным правилам правописания с незначительной стилистической правкой, не затрагивающей смысла и характера оригинального текста. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Подчёркивания в тексте, сделанные рукой Н. В. Чайковского, выделены курсивом. Приписки, сделанные на полях документов, даются в угловых скобках.

№ 1. Открытое письмо Е. Е. Лазарева Н. В. Чайковскому по случаю 75-летия

Е[гор] Е[горович] Лазарев
Галкова 45. Врошвице, Прага
20.[0]1.[19]26 [года]

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ
ЧАЙКОВСКОМУ

Дорогой товарищ друг брат Николай.

В день твоего 75-летнего юбилея как мне хотелось бы всем сердцем и всеми помышлениями моими присоединиться к сонму твоих друзей и поклонников, рассеянных по всему свету. Суровая судьба не позволяет мне в этот торжественный день лично пожать твою руку и братски тебя расцеловать. При мысли о твоём юбилее моя радость окрашивается неподдельным огорчением: с каким бы удовольствием, в наших общих интересах я отпраздновал бы твой не 75-летний, а примерно, 25-летний юбилей, а то, подумаешь, это какое удовольствие посылать и получать восторженные напоминания человеку, что лучшие дни его жизни, его молодость и зрелость, канули в вечность, и что отныне ему предстоит всё больше и больше сгибаться к земле, чтобы в конце концов снова встать на четвереньки!

И ещё беда, дорогой Николай: долголетие обязывает! Мудрые люди говорят, что до семи лет у людей обоего пола – душа ангельская! А что сверх того, что у нас только от бога, но и от лукавого. А так как доблести и грехи у людей с годами накапливаются и возрастают, то тот, кто достиг до 75 лет, волей-неволей несёт на спине более богатый улов доблести и грехов, чем люди незрелые. Судьба же, наделив тебя долголетием, пустила тебя в свет по политической части и тем предопределила твою историческую ответственность за судьбу человечества, поменьше мере за последние 50 лет.

Позвольте мне посему торжественным случаем хоть мельком заглянуть в твой длинный исторический формулярный список.

С древних времён судьба наделила тебя двумя весьма редкими и оригинальными качествами. Одно из них – физическое, чисто внешнее; другое – внутренние, духовное. То и другое с годами возрастали, накапливались и менялись, и в конце концов давали неожиданные результаты.

Напомню молодым твоим поклонникам и поклонницам, не видевшим тебя полсотни лет тому назад, что в дни твоей молодости, не только по мнению прекрасной половины рода человеческого, но по отзывам беспристрастных седовласых мужей, ты был редким образчиком мужской красоты: статный и мощный корпус, добрые, мягкие глаза и, наконец, жизнерадостное лицо, окаймлённое красивой, окладистой бородой, которая предательски скрывала даже от близких товарищей твои юные годы и тем незаслуженно придавала тебе преувеличенную солидность.

Я не стану долго останавливаться на твоей феноменальной бороде Черномора¹. Всё просвещённое человечество знает, что она досталась тебе по наследству от этого² знаменитого карла. Но не все знают, как тщательно ты охранял её неприкосновенность, всю свою жизнь, в течение трёх царствований, и как, наконец, при восшествии на престол большевиков, принуждённый склеиваться, ты в первые пожертвовал своим сокровищем и окорнал³ свою бороду до позорного ничтожества. Признаю, я чуть не заплакал при веде тебя в столь свято цветном изображении. То было в Вологде, где мы встретились после разгона Учредительного собрания, в нашем нелегальном пути: ты – по дороге на север, до ледяного моря. Я и бабка⁴ – в Сибирь и на Волгу, в Самару. Ты был действительно не узнаваем. Но я тогда же про себя решил: «Нет, без бороды Черномора русская история ни за что не признает Николая Чайковского!».

Ну, за тобой водится и другая, не менее оригинальная особенность. С самых пелёнок судьба одарила тебя высоким идеализмом, идеализмом неистощимым, неисправимым и столь трансцендентальным, что если бы даже судьба не пожалела тебя и в виде противоядия не наградила тебя необыкновенной практической смёткой и редкой, чисто американской деловитостью, то можно поручиться, что ты не дотянул бы и до 50-летнего своего юбилея. Между тем сами английские дельцы высоко оценили твою деловитость.

Ты никогда не был теоретиком и вообще скептически относился к словопрениям. Ты полагался больше на свою интуицию, на высоко развитое в тебе неподкупное чувство правды, на веру в торжество общественной справедливости и человеческой солидарности. Ты умел сильно и самоотверженно любить, но ты лишён способности кого бы то ни было ненавидеть.

Такое совмещение высокого идеализма с практичностью и деловитостью может показаться неестественным, противоречивым. Между тем это так, это совмещение противоположных качеств наложило особую печать на всю твою жизнь. Если бы ты послушался моей лестной просьбы отойти от постылой современной политики и засесть тиши своего кабинета за описание своих «воспоминаний», где ты был и что видел на свете, я уверен, что ты дал бы много материала для подтверждения вышеизложенной характеристики.

В ожидании твоих воспоминаний ограничусь лишь крупными случаями.

Радикальный самый влиятельный кружок во всей России начала семидесятых годов назывался твоим именем – «кружком Чайковского»⁵, и множество революционеров вошли потом в историю с кличкой «чайковцев», в то время как⁶ ты был уже за границей и стоял далеко от текущего движения в самой России.

¹ Черномор – отрицательный персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» в виде карлика-колдуна, обладавший длинной и густой бородой.

² Слово «этого» вписано над строкой.

³ Окорнать (простонар., устар.) – обрезать, остричь.

⁴ «Бабка», «Бабушка русской революции» – уважительное прозвище *Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской (1844–1934)* – видной деятельницы народнического и революционного движения, члена ПСР, автора воспоминаний.

⁵ Большое общество пропаганды (чайковцы) – члены нескольких тайных кружков в Петербурге, объединившиеся 1870 г. с целью ведения революционной пропаганды в народе.

⁶ Слово «как» вписано над строкой.

Как и почему так случилось? А вот благодаря совмещению всех вышеизложенных доблестей твоего темперамента.

Во-первых, как сказано выше, ты был красавец, которым любовались не одни женщины.

Во-вторых, ты с энтузиазмом в числе первых бросился в радикальное движение, и именно благодаря твоей деловитости и практичности была успешно намечена и создана пропагандистская и агитационная литература, проникавшая потом во все концы России.

В-третьих, ты и все твои товарищи по кружку выступили на сцену в особое время, в разгар борьбы между «бакунистами»¹ и «лавристами»², когда к научному образованию или, скорее, к университетским и гимназическим дипломам относились не только скептически, а прямо отрицательно, считая всех получивших дипломы карьеристами, людьми пропащими для революции! Вследствие этого люди «зрелые», «солидные» имевшие дипломы и несмотря на это самоотверженно вступавшие на революционный путь, все такие лица пользовались среди «недоучившейся» молодёжи особенным почётом как люди, своим поведением доказавшие свою революционность. Среди множества «чайковцев» в начале ты был едва ли не самым старшим и чуть ли не единственным, получившим диплом «кандидата естественных наук»³. Всё это вместе взятое должно было действовать на молодёжь, и вполне естественно, что кличка «Кружок Чайковского» перешла в историю.

Но вот в то самое время, когда революционная молодёжь вместе с тобою прониклась высоким идеалом и состраданием ко всем униженным и угнетённым и пошла в народ для устной и печатной революционной пропаганды среди крестьян, как раз в это время твой идеализм сталкивается с ещё более пламенным идеализмом Маликова⁴, проповедовавшего «богочеловечество» и *непротивление злу насилием*! Ты был увлечён этим учением и стал горячим последователем Маликова, который, действительно, своим учением и пламенной пропагандой очаровал даже полицейских. Получалась аномалия: в то время, как сотни и тысячи пропагандистов и большинство «чайковцев» из народа попали в тюрьмы и ссылки, ты, не заходя в народ, уехал за границу и вскоре очутился в глубине С[еверной] Америки, в колонии «богочеловеков» – последователей Маликова.

Эта диверсия в твоём настроении многим могла показаться слабостью, грехопадением, даже изменой общественному делу, ведь целью колонии богочеловеков было личное воспитание, нравственное самоусовершенствование. Но, конечно, это было не так. Ты был только охвачен высшим, чисто религиозным энтузиазмом и оставался только верен себе. Опыт показал тебе, что – это было увлечением, иллюзией. Но основной тон твоей души остался навсегда неизменным. Искренность и честность в отношении к себе и людям, нежная любовь к человеческой личности и вера в общественную солидарность были всегда руководящими двигателями всей твоей деятельности.

Много лет спустя, уже в Лондоне, ты сближаешься с другим пламенным и неистовым идеалистом, нашим другом, Петром Алексеевичем Кропоткиным⁵ и не удивительно, что ты становишься анархистом. Что же, опять измена своим убеждениям?

¹ Бакунисты – последователи анархического учения, созданного М. А. Бакуниным.

² Лавристы – последователи народнического учения, созданного П. Л. Лавровым.

³ Кандидат наук в Российской империи – в 1803–1884 гг. низшая учёная степень, позволяющая заниматься научной и преподавательской деятельностью.

⁴ Александр Капитонович Маликов (1839–1904) – общественный деятель, создавший в 1874 г. в Орле кружок «богочеловеков» (годом позже – одноимённую коммуну в США), пропагандировавший идеи социальной справедливости, неприятия любой власти и отказ от революционной борьбы.

⁵ Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) – видный участник революционного движения, теоретик анархизма, географ, публицист, автор воспоминаний.

Нисколько! То был лишь логический выход из твоего основного душевного настроения. Влияние обаятельной личности Петра Кропоткина было поистине неотразимо! Будучи теоретиком и главой европейского анархизма, он, со слезами на глазах защищавший всех террористов на свете, в действительности обладал столь нежным, чисто женственным, любящим и всепрощающим сердцем, что не мог бы причинить заведомого вреда даже кусавшей его мухе! Будучи теоретиком и кабинетным учёным, неутомимым агитатором и пропагандистом, Пётр Кропоткин в практических делах был настоящим «дитю»¹.

Между тем ты, наоборот, при всём своём идеализме был прежде всего человек дела. У тебя была масса накопленной энергии, которая ждала только случая для приложения к конкретному делу. Случай представился. Как только образовался так называемый «Фонд Вольной Русской Прессы»² в Лондоне, ты сразу присоединился к нему. Ты был самым деятельным членом его и вместе с нами, его членами, ты вошёл позднее в Партию социалистов-революционеров, где ты нашёл полное применение и своему высокому идеализму и своей редкой практической деловитости при выполнении очень крупных, важных и рискованных предприятий.

Но здесь я должен быть очень скромным и не предвирать, и не предвосхищать твоих будущих воспоминаний.

В партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] ты оставался до ареста и суда вместе с Бабкой Брешковской. То был памятный суд над «Бабушкой и Дедушкой Русской Революции». Оба вы были жертвой провокатора Азефа³. Бабка была осуждена и отправлена вновь в Сибирь, а ты был оправдан и освобождён. Но то было мутное и тяжёлое время для всех нас, оставшихся на воле! Тебя же в этот момент постигло тяжёлое семейное горе. Наш общий любимец, твой старший сын, талантливый юноша, красавец и замечательный атлет, уехал в Америку и умер там вдали от родных⁴.

Позднее ты присоединился к Партии народных социалистов⁵, выделившейся из партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] и, следовательно, родственной последней. И опять эта перемена не составляет изменения взглядов или убеждений. Мы знаем, что она диктовалась тогдашним настроением всё той же нежной и чуткой души.

И вот, дорогой Николай, в каких бы политических и социалистических ячейках мы не состояли, теперь, как и раньше, я считаю тебя своим верным товарищем, другом и братом. Искренно преклоняясь перед твоей светлой и, несмотря ни на что, уравновешенной личностью, я крепко-крепко обнимаю и целую тебя, мой бесценный друг, и молю добрую судьбу, наделившую тебя долголетием и столькими другими дарами, чтобы она продлила твою жизнь ещё на 75 лет, чтобы дать мне случай приветствовать тебя ещё раз.

По гроб жизни твой Егор Лазарев.

<Егор Лазарев

Halkova 45

Vršovice. Praha.>⁶

ГА РФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 125. Л. 5–7. Машинопись. Подпись – автограф.

¹ Дитю (простонар, устар) – дитя, ребёнок.

² Фонд вольной русской прессы – организация, созданная в 1891 г. русскими эмигрантами в Лондоне для издания и распространения революционной литературы.

³ Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – один из руководителей ПСР, ведущий тайный платный агент Департамента полиции в революционной среде.

⁴ Пётр Николаевич Чайковский (1887(1888)–1909) – старший сын Н. В. Чайковского, скончавшийся в Канаде от туберкулёза.

⁵ Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП, народно-социалистическая партия, энесы) – неонародническая партия, образованная в 1906 г. в результате выделения умеренного крыла из ПСР и ориентированная на легальные методы политической деятельности.

⁶ Текст, заключённый в угловые скобки, вписан на полях письма (Л. 7).

№ 2. Письмо Е. Е. Лазарева к Н. В. Чайковскому

Е[гор] Е[горович] Лазарев

Русская Санатория

Цирквице, у Углижских Яновиц

Прага, Чехословакия

CIRKVICE, – u UHLIRSKYCH JA-

NOVIC

Николаю Васильевичу Чайковскому

Гарроу-он-ды-Гилл, Ингленд.

7 марта 1926 [года]

HARROW ON THE HILL

Милый, дорогой Николай.

Прочёл я твоё письмо к Бабке по поводу твоего юбилея, где ты выражаешь недовольство, между прочим, и моим к тебе посланием. Если бы ты не поддался первому впечатлению от моего ПРИВЕТА и вдумался бы в те любовные чувства, которые руководили моим пером, мне кажется, ты иначе отнёсся бы к моему посланию. Правда, это было не частное письмо, а публичный привет, в котором всё написанное принимает публичный, общественный и даже политический характер.

Дорогой Николай, год тому назад я сам пережил свой 70-летний юбилей – тогда оказалось удивительное у всех согласие, что я *обладаю одними добродетелями*, при которых все возможные или мыслимые прегрешения мои являются простым «недоразумением». Так, например, один из ораторов говорил: «Наш дорогой юбиляр (т. е. я) до того мил и ко всем приветлив, до того отзывчив на нужды всех людей, без различия их взглядов и партийной принадлежности, что его собственную принадлежность к эсеровской партии и к социалистам вообще можно счесть делом простого недоразумения». Короче говоря, оратор хотел сказать: «Посмотрите на эту благодушную фигуру юбиляра, – ну какой же он может быть социалист?!». Вывод казался в том, что эсеры и социалисты вообще добрыми, приветливыми и отзывчивыми людьми быть не могут. Как видишь, здесь острее «комплимента» было направлено не лично против меня, а против эсерства и социализма вообще. В ответной речи я старался испорчить самого себя, защи[тить] социализм и эсерство. В моём привете, наоборот, ты усмотрел нападки или укоры не отвлечённым взглядам или партиям, а лично тебе. Дорогой мой, меньше всего это было в голове моей. Разбери и подумай, почему так вышло.

Я, знавший тебя заочно и лично с 1873 г[ода] и затем работавший с тобой столь долго рука об руку, мог ли я, в своём привете тебе ограничиться банальными фразами официальной вежливости? Одна мысль о посылке тебе простой телеграммы казалась мне обидной для тебя. Уж лучше ничего не посылать, думал я. Много ли нас осталось в живых, нас, переживших порог 70-летия, что ты думаешь, если только это вина, я писал тебе этот привет не по легкомыслию, а искренно, от всего сердца и со слезами на глазах. Рядом с твоей передо мной параллельно проходила моя собственная жизнь. Ведь 70-летние юбилеи – торжества довольно двусмысленного качества: они, как правило, совершаются на пороге вечности. Я сознавал всю важность твоего юбилея и для тебя, и, для меня и главным образом, для истории. Знакомясь с историей твоей жизни, многие могут подумать: «Вот человек, столько раз *менявший свои убеждения и взгляды, как калоши!*». В своём послании я решил взять быка за рога: констатировав факты, дать ими правильное и объективное объяснение.

Изменение взглядов, убеждений! Как это, в самом деле, нехорошо! И, однако, все мы, семидесятники, вступившие в XX столетие, с большей или меньшей внутренней борьбой прошли целый цикл изменений в своих теоретических взглядах. Но в этом нет ничего ни предосудительного, ни удивительного. Ведь десятки лет в XX столетии стоят больше, чем сотни лет предыдущих столетий. Умственная жизнь современного общества развивается в геометрической прогрессии. Вот было бы чудом: прожить 70 лет, превратившись в Соляной столб одной почтенной библейской дамы!¹ Все мы шли

¹ Речь идёт о библейском сюжете, когда во время гибели городов Содом и Гоморра жена Лота превратилась в соляной столб, оглянувшись назад во время бегства несмотря на предупреждение ангелов.

впереди за веком и вместе с ним изменялись. Твоё отличие от многих из нас только в том, что ты был более впечатлительным, чем другие, более чутко относился к внутренним запросам в чисто религиозном искании «ПРАВДЫ-ИСТИНЫ»¹, идеалов общественной справедливости. Это искание было характерно для всего поколения семидесятников, у тебя же оно было и остаётся до сих пор основным свойством твоего характера, твоей души. Поэтому все эти теории, внешние мирозерцания могли меняться у тебя, но при этом оставалось и сохранялось неизменно одно: твои гуманность, искренность и честное отношение к самому себе и к другим людям. Это свойство твоей души привлекало к тебе и вызывало доверие и уважение всех людей, без различия их взглядов и общественных положений. Все знающие тебя, и товарищи, и посторонние деловые люди, ценили в тебе не столько твои убеждения и взгляды, сколько твою искренность, прямоту и бескомпромиссную честность. И ты сам был вечно бодр, деятелен и даже весел именно потому, что чувствовал себя всюду и всегда «Самим собой», т.е. честным человеком. И все мы знали твои благородство, прямоту и искренность, и все гордились тобой и с полным доверием полагались на всякое твоё слово.

Ты прожил целых 75 лет – период, можно сказать, трехпоколенный. В настоящий момент, в послереволюционный период, перемены общественных взглядов измеряются даже не годами, а прямо месяцами. Переломы во взглядах и настроениях захватили людей самых разных положений. Но наиболее экспансивные, впечатлительные и потому более рьяные и деятельные люди подверглись за последние годы более крутым и часто неожиданным идейным и душевным переворотам. Переоценка ценностей захватила каждого из нас. Но за короткое время последних бурных, бешеных, часто безумных лет революции и особенно гражданской войны многие из наших товарищей и солидных общественных деятелей успели перевернуться радикально по несколько раз.

Я уж не говорю о таких авантюристах, как Савинков². Крайности и чудовищные излишества революции и гражданской войны вызвали не менее безумную реакцию против социализма и демократии вообще. По всему свету разливается волной дикий фашизм. Красная и белая диктатура становятся рядом и начинают совместно истреблять демократию. В Испании, Италии, Баварии, Болгарии, Румынии и Венгрии, как и в России, социалисты и демократы принуждены или скрываться или молчать. Так что прежних товарищей социалистов, большинство учёных и интеллигентных людей теперь трудно узнать и определить их душевное настроение.

В своём послании к тебе я не касался этих болезненных идейных переворотов времён Гражданской войны. В юбилейном послании публику и Историю могли интересовать только те изменения во взглядах и настроениях, которые подготавливались медленно и вызывались исканием высших идеалов и их воплощением в общественную жизнь. В твой 75-летний юбилей нас интересовали только эти длительные изменения в твоих настроениях, только твои пылкие искания «правды-истины» со времён твоей молодости. Дело шло об оценке твоей жизни в целом.

А в этом отношении, дорогой Николай, ты прошёл, несомненно, более сложный цикл изменений во взглядах и душевном настроении, чем многие из нас, семидесятников. И вот, разбросанные на протяжении 75 лет, эти изменения твои, будучи сгруппированы на одной странице моего послания, быть может, и тебе самому показались катастрофическими, ненормальными, даже предосудительными. В самом деле: оставить революцию и уйти в богочеловечество, а из богочеловечества – в анархию, из анархии – в революционный социализм и т.д., вплоть до деникиновщины³ времён Граждан-

¹ «Правда-истина» – одна из устойчивых категорий русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв., противопоставлявшая истину как логический факт правде как нравственному идеалу.

² Савинков Борис Викторович (1879–1925) – участник революционного движения, член ПСР, один из руководителей Боевой организации ПСР, публицист, литератор, мемуарист.

³ Деникинищина – расхожее название белогвардейского режима власти, установленного А. И. Деникиным в период Гражданской войны на Юге России.

ской войны. «Зачем в такой торжественный момент беречь старые раны?», говорит и Баба. Но, дорогой мой Николай, я с этим не согласен. Ведь, все эти изменения и переломы в твоём душевном настроении – неопровержимые исторические факты, которые не только бесполезно отрицать, но их не следует и замалчивать, ибо в них нет для тебя ничего предосудительного. Совсем наоборот, мы можем только гордиться твоими исканиями правды-истины. Поэтому, я нарочито и сознательно решил взять быка за рога, я нарочито взял темой именно эти переломы в твоём душевном настроении, и, как любящий тебя всей душой товарищ, стремился как можно объективнее показать, что при всех этих изменениях ты был и оставался самым собой – искренним, честным и гуманным человеком, пропитанным чисто религиозным *пафосом* *искания «Смысла жизни»*¹. Никогда никакая внешняя среда не могла подавить тебя. Наоборот, в самую разнообразную среду ты умел вносить луч своей духовной красоты и силы и становился любимцем этой среды. Немудрёно, что люди самых разнообразных течений, входившие с тобой в соприкосновение, преклонялись перед твоей честностью и прямоотой. Я был свидетелем, как на Уфимском Совещании все до единого делегата без малейшего возражения сошлись на твоей кандидатуре в злосчастную Директорию. Вся твоя долгая жизнедеятельность, как на основном стержне, была нанизана не столько на теории и голову, сколько на сердце и гуманные чувства.

Позволь ради иллюстрации остановиться на одном сравнении. Другой общественный деятель в прошлом году праздновал 25-летие своей литературной деятельности – П.Б. Струве². Человек он горячий, прямо необузданный, до болезненности самолюбив. Он много моложе нас, но в числе радикальных умственных и духовных превращений он обогнал всех нас и даже тебя. Разница, однако, в том, что он двигался не столько сердцем и гуманным чувством, сколько теорией и голой логикой. Конечно, и у него в основе поведения лежат чувства уязвлённого самолюбия и честолюбия, но эти чувства и настроения становятся у него только тогда активными, когда он подведёт под них соответствующую теорию. Тогда он неумолим: провались весь свет, лишь бы провести теорию! Начав с самого ортодоксального марксизма, он не метался из стороны в сторону, отыскивая истину, нет, он шёл по прямой линии под гору – в болото монархизма, мирового фашизма, елейного православия и великорусского шовинизма. В отличие от тебя, Струве никогда не был «самим собой». Никто не может предвидеть, куда он пойдёт и где остановиться. И никто не может положиться на него.

Далее ты не мог и не должен был обижаться на моё указание, *что ты был анархистом*. Разве может кого-нибудь скомпрометировать общество таких высоко благородных лиц, как Пётр Кропоткин, Элизе Реклю³, Луиза Мишель⁴, Нью Энгюис Корнелисон⁵, Малатеста⁶ и т. п. Одно дело – теория, и другое – практика поведения в жизни. Я знаю, что партийные предрассудки и навыки до сих пор ещё очень сильны среди социалистов вообще и наших товарищей в частности. Твой юбилей не был партийным торжеством. Я писал тебе как друг и неизменный товарищ. Поверь, дорогой Николай, я даже боялся быть сентиментальным и расточать тебе банальные похвалы.

Другое дело – кажущийся шарж насчёт твоей бороды. Может быть, не следовало бы выводить бороду в столь торжественный момент. Но меня провоцировала на это

¹ «Смысл жизни» – одна из центральных категорий русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв., построенная на поиске нравственного и духовного основания человеческого существования, стоящего выше политических убеждений и партийной принадлежности.

² Струве Пётр Бернгардович (1870–1944) – легальный марксист, либерал, один из идеологов Конституционно-демократической партии (кадетов), монархист, экономист, философ, историк, общественный деятель, автор воспоминаний.

³ Реклю Жак Элизе (1830–1905) – французский географ, историк, анархист, антимилитарист.

⁴ Мишель Луиза (1830–1905) – французская революционерка, анархистка, феминистка, учительница, писательница, поэтесса.

⁵ Корнелиссен Кристиан Герард (1864–1942) – голландский журналист, экономист, анархо-синдикалист.

⁶ Малатеста Эррико (1853–1932) – итальянский анархо-коммунист.

фотография нашей группы, снятой по моему приезду в Петербург, в Зимнем дворце, где ты, Бабка и я с группой американцев были сняты во всю натуральную красоту с твоей поразительной бородой. Когда я сел писать тебе юбилейный привет, я разложил перед собой все имеющиеся у меня твои фотографии разных времён, вплоть до Питерской, вероятно 1873 года. Получилась наглядная история твоей бороды, я невольно вспомнил нашу встречу в Вологде, где ты скрывался от большевиков, ты, дедушка русской революции¹, принуждён был окорнать и обезобразить свою библейскую бороду! Хочешь верь, хочешь не верь, но тогда, в Вологде, увидев тебя в обезображенном виде, я действительно чуть не заплакал. Для людей, тебя знающих, эта куцая, общипанная борода делала тебя неузнаваемым по своему безобразию. И меня долго мучила мысль, сознаюсь, постыдная, малодушная, но неотвязчивая: «И стоило ли отдавать столько сил, энергии, всевозможных жертв и массу жизней самых лучших людей ради революции, когда он, Николай Чайковский, чуть не родоначальник русского революционного движения, принуждён теперь, когда революция пришла, скрываться и уродовать себя, чтобы спастись от вождей желанной революции?» Мучительная мысль, впервые ярко вонзившаяся в мой мозг при виде твоей бороды! И ты, и Бабка, и я – все мы тогда скрывались. Но свои собственные переживания казались нормальными, естественными и целесообразными, б[ыть] м[ожет] даже красивыми. Но твоя борода сразу нарушала установившуюся гармонию вселенной и вызывала целый рой мрачных мыслей. Конечно, это результат малодушия или крайнего душевного возбуждения. Но это крайняя реакция, вызванная слепой ненавистью к большевизму. Какую массу самых разумных людей, даже социалистов и наших товарищей, доводила она до полного помутнения разума, до ненависти к социализму и демократии вообще! Ненависть к социализму и демократии разлилась по всему свету. Рядом с диктатурой большевизма и коммунизма стал развиваться фашизм – диктатура капральской палки. Ум бедного человека стал заходить за разум: «Куда пайдош, каму скажишь?»². Ненависть к большевикам заставляла многих людей и наших товарищей до последнего момента возлагать надежды на Деникина³ и Врангеля⁴ и в них искать спасение России. Получилась полная неразбериха. Вместе с многими заблуждался и ты. Но кто смеет послать тебе упрёк в измене делу свободы и поставить на одну доску со Струве и компанией оголтелых монархистов и реакционеров!? В отличии от них, напротив, именно неутолимая жажда свободы и ненависть к деспотизму и заставляла тебя лететь на всякий огонёк во тьме, преодолевая все препятствия, пока ты не обжигал крылья. Года 3–4 тому назад разве я мало слышал разных поклепов на тебя? Но для меня, знавшего тебя, ты неизменно оставался тем, кем всегда был – честным человеком и гражданином, добрым товарищем и верным рыцарем и защитником человеческой свободы. Год тому назад, в письме ко мне, ты кратко формулировал своё внутреннее, духовное и нравственное состояние после всего пережитого: «Я остаюсь по-прежнему, – писал ты, – социалистом, демократом и кооператором». Этого для меня было совершенно достаточно, чтобы знать, что твои борода, голова и сердце покоятся на своём месте.

И вот, дорогой Николай, на этом скрытом желании моём поднять вопрос открыто, чтобы очистить твою память от всяких поклёпов и злостолкований, я и построил своё послание к тебе на изложении твоих неустанных исканий «смысла жизни» в течение всей твоей жизни. Я очень огорчён, что смысл моего приветного неправильно понят тобой. Но и теперь, после твоего письма к Бабке, я искренно убеждён, что будущая,

¹ «Дедушка русской революции» – уважительное прозвище Н. В. Чайковского в революционных кругах.

² Автор вольно цитирует название евангельской песни «Куда пойду, кому скажу».

³ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – военный деятель Российской Империи, руководитель Белого движения, приемник А.В. Колчака на посту Верховного главнокомандующего Русской армией, автор воспоминаний.

⁴ Врангель Пётр Николаевич (1878–1928) – военный деятель Российской Империи, руководитель Белого движения, общественный деятель, автор воспоминаний.

беспристрастная история, разобрав подробно всю твою долгую и сложную жизнь, в оценке этой жизни согласится с моей дружеской и любовной характеристикой: не смотря на все вариации внешних положений, ты всегда оставался верен самому себе, своей интуиции добра, правды и красоты. Взяв тебя таковым, я не боюсь пустить тебя в какую угодно среду. Богочеловечество, анархизм, социализм, Революционная борьба, Гражданская война, Деникин и Белое движение – всё это для тебя внешние арены деятельности, лежащие в одной плоскости.

Итак, дорогой Николай, признай, по крайней мере, что я не мог умышленно писать тебе обидный для тебя привет. Если я избрал неподходящий тон или форму, отнеси это к моей неумелости, легкомыслию или бестактности, но не порочь моей дружеской и товарищеской любви к тебе.

Ведь правда, что ты никогда не был теоретиком. В своей жизни и деятельности ты руководствовался больше «интуитивной философией Бергсена¹», т. е. врождённым чувством правды. Эта-то здоровая интуиция и проводила тебя здоровым и невредимым через все Сциллы и Харибды² твоей долгой жизни. Теперь ты увлекаешься теорией массовой психологии или что-то в этом стиле³. Старый греховодник! Ты и Бабку совратить хочешь! Ну, что же, это хорошо! Под конец жизни, да на досуге и с теориями приятно познакомиться. Одобрю. Только думаю, что после всего пережитого, при большевиках и наших годах применять к практике новые теории воспитания, пожалуй, не придётся.

Ты уж извини: по отношению к тебе я предпочту и впредь полагаться больше на твою испытанную интуицию. Я теперь тоже увлекаюсь разными научными теориями. И теперь жалею: зачем меня нелёгкая понесла по социалистической карьере. Выписал себе дорогой научный английский журнал “Nature”⁴ (3 фунта стоит). Вот теперь получаю еженедельно и погружаюсь в бездны всевозможных теорий, научных исследований и самоновейших открытий на небе и на земле. Право, я и тебе советую от психологии на седьмое небо засесть. Непостижимые вещи совершаются, оказывается, и на небе, и на земле. Ведь ты естественник, а знаешь ли ты, что теперь открываются не X, не Секонд-лучи, не Рентгеновские, не Герцевские, Беккерелевские Инфракрасные или Ультрафиолетовые лучи, а страшно вымолвить «Мировые лучи»⁵, которые идут к нам на грешную землю ни больше ни меньше, как от мировых туманностей. Вот ведь дивото какое! Пока их не открыли, все физики и химики с толку сбились: уж как они ни старались, какие предосторожности ни принимали, чтобы в закрытых сосудах газы не производили ионизацию, ничто не помогало. Устраивали самые надёжные изоляторы, ширмы и заслоны, дабы устранить радиоактивное влияние земной почвы и воздуха. Изоляторы уменьшают быстроту ионизации, т. е. разложения атомов, но совершенно прекратить процесс не удаётся. И вот теперь оказывается, что потусторонние небесные гости к нам с самого сотворения мира жалуют. А мы их и не подозревали. И рассказывать дальше не хочу. Сам разнюхай. А ты с[о] своей психологией! Мало мы видали на земле всякой психологии!?

Теперь о себе. Ты, говорят, хворать стал. С этих-то пор! 80-ти лет ещё нет. Бабка вот на обе ноги хромает, а куражу не сдаёт. Гляди, учись и подражай. Я до последних дней прошлого года тоже форсил, ходил гоголем. И вдруг пришла беда, отворяй ворота. Жена⁶ у меня сильно больна, ноги парализованы, едва на костылях держится.

¹ Бергсон Анри (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма – течения философии, усматривающего в интуиции единственно достоверное средство познания.

² Сцилла и Харибда – морские чудовища в древнегреческой мифологии.

³ Вероятно, автор имеет в виду интерес Чайковского к трудам по психологии масс, получившим широкое распространение в европейских интеллектуальных кругах 1920-х гг. после появления работ социального психолога Г. Лебона и психиатра З. Фрейда.

⁴ “Nature” (англ. «Природа») – британский научный журнал, издаваемый с 1869 г. в Лондоне.

⁵ Космические лучи – потоки заряженных элементарных частиц, движущиеся в космосе.

⁶ Лакиер-Лазарева (Секторова) Юлия Александровна (Семёновна) (1854–1932) – жена Е. Е. Лазарева, социал-демократка, переводчица, эмигрант.

Как и всюду, в Праге острый квартирный кризис. Трудно комнату найти и всё квартирующее человечество отдано в бесконтрольное распоряжение квартирных хозяев, из коих 99% из породы Киевских ведьм¹. Перед Новым годом наша хозяйка взбесилась и решила так солоно отравить нашу жизнь, как не удавалось сделать ни Охранному отделу², ни ГПУ³. Я стал чихать и отчаянно кашлять. Хозяйка отравляла жизнь и выпирала на улицу. Мораторий спасал от улицы, но не от козней хозяйки-ведьмы. Комнаты подходящей найти было нельзя. Чтобы спастись от хозяйки, решили разехаться по Санаториям. Сначала я устроил жену в Санаторий, близ Праги. Потом сам поместился в Русский Земгорской Санатории⁴ (по-чешски – «Здравница»). Здравница для слабых, истощённых и предрасположенных к туберкулёзу.

Сегодня, 7-го марта, ровно неделя, как я сижу здесь. На другой же день исследовали мою мокроту и нашли изрядное количество Коховских палочек. Врачи утешают тем, что «палочки» не так злы на стариков, как на молодых людей. Старым что? Им все равно скоро умирать придётся. Ну, а молодых они истребляют с усиленной энергией. Это меня успокаивает, и, глядя на окружающую молодёжь, приводит даже в благодушное настроение. Главное удовольствие в том, что я легко держусь на своих ногах, хотя нахожу более надёжным ходить всегда с палкой – годится от собак. Сверх штата⁵ здесь стоят холода. Заставляют врачи лежать закутанным на свежем воздухе. Самое возмутительное из всех бездельных времяпрепровождений! Вот, в перерывах, тайно от надзирателей, сижу и пишу тебе. Решил перед смертью устранить, между нами, происшедшее недоразумение. Обещаю тебе поумнеть и исправиться к твоему 80-летнему юбилею. Прежде чем отправить тебе юбилейный привет, Бабе на цензуру отдам.

Баба теперь с Ковтуном⁶ в одной большой комнате живёт, только ширмами разгорожены. Зато хозяйка – ещё лучше комнаты! В мае Баба собирается в Подкарпатскую Русь⁷, а Ковтун в июне норовит уехать с целой компанией земледельцев и учёных техников и агрономов в Парагвай, в Южную Америку, где уже около года сидит и ждёт их приезда нарочито посланный разведчик. Тогда эта превосходная комната и хозяйка перейдут в моё распоряжение. Ты видишь, что моя жизнь наполнена небезынтересными перспективами.

Жду с нетерпением от тебя письма и полного прощения. Это раз. О твоём здоровье и занятиях – два. Как поживает семья? Оставшаяся – три. Где Жорж⁸, Аля⁹ и Варя¹⁰? Меня очень беспокоит ожидание: когда Аля выйдет замуж? Не люблю я старых дев! Пусть поторопится, ведь лет через 40 она очутится девицей не первой молодости. А

¹ Автор делает отсылку к рассказу «Киевские ведьмы» (1833) русского писателя и литературного критика О. М. Сомова (1793–1833), построенному на мотивах русского и украинского фольклора.

² Отделение по охранению общественной безопасности и порядка – структурный орган департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, созданный в 1866 г., ведавший политическим сыском.

³ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР – орган государственной безопасности в РСФСР, в 1923 г. был преобразован в Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР.

⁴ Русский Земгорский Санаторий – медицинский санаторий для больных туберкулёзом, открытый 15 сентября 1923 г. в Чехословакии.

⁵ Автор имеет в виду «нормы».

⁶ Ковтун Андрей Гаврилович (1873 – после 1932) – член ПСР, один из основателей и член комитета Земгора в Праге, в 1922–1923 гг. заведующий финансово-бухгалтерским отделом, организатор сельскохозяйственной коммуны Парагвае, затем в Аргентине.

⁷ Подкарпатская Русь – историческая область, населённая преимущественно русинами, в 1919–1939 гг. входившая в состав Чехословакии на правах автономии. В настоящее время эти территории разделены между Украиной, Словакией, Венгрией и Румынией.

⁸ Чайковский Юрий Николаевич (1889(1890)–?) – музыкант, скрипач, младший сын Н. В. Чайковского.

⁹ Вероятно, речь идёт о Чайковской Варваре Николаевне (1876(1877)–?) – старшей дочери Н. В. Чайковского, которая в письмах Н. В. Чайковского и Е. Е. Лазарева часто фигурирует под именем Аля.

¹⁰ Вероятно, речь идёт о Чайковской Варваре Александровне (1852(1953)–?) – жене Н. В. Чайковского.

мне страшно хочется быть крестным отцом. Потом, родной, не забудь написать, где Вера Волховская¹. Говорят, она вернулась из России с детьми? И, если можно, пришли мне её адрес и фамилию. У меня теплится чисто отцовское чувство к ней. Вместе сколько жили с ней и отцом. Мне все ещё она девочкой представляется. Кстати, в Гарроу, неподалёку от тебя, живёт, вероятно до сих пор, некий чудный фотограф, Любошец², которого я обрёл в Чикаго, в 1893 г[оду], и которого я знал в Питере и видел раза два, наездом, в Праге. Я знал всю его семью. Там ли он? Замечательный фотограф! Без церемоний, моим именем, позови его, пусть он снимет тебя и пришлёт мне твою карточку. Он делает это с большим удовольствием. Ну, дорогой Николай, от всей души желаю тебе здоровья и многая лета всей твоей семье. Тебя и Алё крепко целую.

Неизменной твой Е[гор] Лазарев.

Адрес мой: или на ЗЕМГОР: Прага, Ваврова улица № 1, или непосредственно в Здравницу, где я пробуду не менее 2–3 месяцев, ибо мне абсолютно надо отдохнуть и оправиться от целой группы всяких немощей. Куражу не теряю и умирать не собираюсь. Мой санаторный адрес: <J. Lazarev, Ruská Zdravnice. Cirkvice u Uhlířských Janovic, Czechoslovakia, Цирквице – почтовая станция «у Углиржских Яновиц» – всем известная местность.

Адрес Земгора: Vavrova №1, Vinohrady. Praha.

Эти последние месяцы мы столовались у Бабкиной хозяйки и виделись с Бабкой по несколько раз в день. Наши квартиры были почти рядом. Она бодрa и здорова.>³

ГА РФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 125. Л. 9–13. Машинопись.

№ 3. Письмо Н. В. Чайковского к Е. Е. Лазареву

Harrow on the Hill
England. 10/III [1]926 г[ода]

Дорогой друг Егор Егорович!

Конечно, не нам с тобой ссориться из-за неудачных выражений, хотя бы и в публичной оценке друг друга. Ты прав в том, что под наплывом юбилейных волнений я вычитал в твоём письме больше, чем в нём было. Всё письмо мне показалось, в сущности, аляповатой иронией над моим прошлым, сдобренной уверениями в своей любви и желании найти во что бы то ни стало оправдание моей принципиальной невинности. При этом твои оправдания настолько неубедительны, что укрепляют впечатление в щедринской иронии⁴. Перечитавши твою «первую бумагу», я вижу в ней действительно неуместного только твои выпады на счёт моей красоты и бороды, которая очень нравилась не только моим поклонникам, но и *поклонницам*. Для всякого непосвящённого слушателя это производит впечатление инсинуации, тем более для меня обидной, что я пристрастием к *поклонницам* никогда не грешил. Значит, и почувствовал в этой инсинуации вольную или невольную клевету. Сам же ты говоришь, что эта бумага готовилась для публичного чтения, а потому требовала продуманности. Теперь я вижу, что это была одна из твоих аляповатых мужицких шуток, которыми ты всегда славился. Но, я очень рад, что ты и сам признаешь неуместность и неудачность этого выпада.

Что же касается до всего остального, то, видишь ли, Егор, для меня этот юбилей был чем-то гораздо большим, чем твой для тебя. Твоя жизненная линия вполне ясна,

¹ Волховская Вера Феликсовна (1881–1966) – дочь Ф. В. Волховского, член ПСР, преподаватель, переводчик.

² Личность не установлена.

³ Текст, заключённый в угловые скобки, вписан на полях письма (Л. 13).

⁴ Автор делает отсылку к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) – русского писателя-сатирика, чьи произведения отличаются иронией, часто переходящей в гротеск и сарказм.

и несомненно у тебя есть или друзья, или враги, и ты их знал заранее. Для меня не то: целых 40 с лишним лет своей деятельной жизни я провёл под чужими знамёнами, не развёртывал или не умел развернуть своё собственное, в котором была моя святая святых. Удивительно ли, что мои даже ближайшие друзья, как Пётр Кропоткин, как Сергей Кравчинский¹, Феликс Волховский² и как ты Е[гор] Е[горович] Лазарев, меня не понимали и думали, как ты думаешь и до сих пор, что я «менял свои убеждения, как галоши». Это, конечно, вздор, я никогда не находил *новой истины*, как ты выражаешься, после Богочеловечества в анархизме, в эсэрстве, в кооперации или деникинстве. Но не об этом теперь речь, а о том, что этот юбилей для меня на 76-м году жизни, когда чувствуешь, что играешь уже *на последние*, был в некотором роде общественным приговором над моим прошлым. Понят я или нет? Что я схожу со сцены духовно таким же одиноким, каким я был эти 40 лет, или *нет*? That was the question³!

Вот где та моя чуткость, о которой ты говоришь, действительно, была напряжена, можно сказать, до белого кипения. В случае отрицательного приговора моя вера в себя, конечно, нисколько поколеблена не была бы, но она была бы отравлена духовным одиночеством, чужеством всем вам, моим и старым, и б[олее] молодым друзьям и товарищам.

И вот, в такую-то минуту ты, Ег[ор] Ег[орович] Лазарев, с которым я съел вместе столько чугунов каши, явился почти единственным выразителем отрицательного приговора. Сколько ты не сдобривай его ссылками на *искания истины* и *чуткость души* и на пример Струве, *галоши* вместо убеждений, знаешь, уважения ни в ком не вызывают. Ты, конечно, волен думать, как тебе Бог на душу положит, и обижаться на тебя за это я не имею ни права, ни основания. Но⁴ всё-таки больно! Есть, конечно, люди, как напр[имер], В[иктор] Чернов⁵, который требовал в 1921 г[оду] от своих партизан⁶ во время «Комитета Учредит[ельного] Собр[ания]»⁷ в Париже, чтобы они выкинули меня из числа членов Исполнительной Комиссии, и это было сделано. Аргументация была та же, что я бывший деникинец и заседал в Политич[еском] Совещ[ании]⁸ в Париже вместе с Сазоновым⁹ и Извольским¹⁰.

Это вполне ясно! Но тогда уж В[иктор] Чернов и не пишет мне поздравительных писем и не уверяет в своей любви к моей душе. А тут человек, с которым нас, несомненно, связывает взаимная любовь, прямо как двух братьев, произносит такой приговор и не видит своей кардинальной ошибки в самом понимании творческого содержания той личности, которую он судит, путаясь в непонятных для тебя сменах галош. Я бы на твоём месте в таком случае, конечно, стал молчать, как В[иктор] Чернов, а не брался излагать авторитетно мою прошлую жизнь.

¹ Кравчинский Сергей Михайлович (псевд. С. Степняк) (1851–1895) – видный участник революционного движения, эмигрант, публицист.

² Волховский Феликс Вадимович (1846–1914) – видный участник революционного движения, член ПСР, литератор, журналист, переводчик, издатель.

³ That was the question – в пер. с англ.: «Вот в чём был вопрос» – автор перефразирует цитату из монолога Гамлета из трагедии У. Шекспира «Гамлет».

⁴ Так в тексте.

⁵ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – видный участник революционного движения, один из основателей и теоретиков ПСР, автор воспоминаний.

⁶ Речь идёт о сторонниках В. М. Чернова, сгруппировавшихся в эмиграции после 1918 г.

⁷ Речь идёт о частном совещании членов Учредительного собрания, проходившего 9–21 января 1921 г. в Париже, с целью обсуждения форм и способов защиты международных интересов России.

⁸ Русское политическое совещание – политическое объединение, созданное в Париже в конце 1918 г. для международного представительства Белого движения.

⁹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – российский государственный деятель, участник Белого движения, Министр иностранных дел Российской империи, Министр иностранных дел Всероссийского правительства А. В. Колчака и А. И. Деникина, член Русского политического совещания.

¹⁰ Извольский Александр Петрович (1856–1919) – российский государственный деятель, дипломат, Министр иностранных дел Российской империи, посол во Франции, автор воспоминаний.

Переубеждать тебя мне теперь «в 11-м часу» не стать, а я знаю вот что: на днях я пошлю Бабке копию моего «Открытого письма» к друзьям, которое я написал для Парижского Юбилейного Заседания¹ и которое появится в № 3 «Голоса Минувшего»² Мельгунова³. И я попрошу её, чтобы она передала его тебе для прочтения. Из него ты увидишь, по крайней мере, как для меня самого объясняется мой уход от кружка чайковцев, как произошло наше сближение с Маликовым и почему я менял мои галоши. <Пожалуйста, не думай только, Егор, что я жаждал по случаю юбилея одних похвал за добродетели. Никто лучше меня не знает моих недочётов и не я буду обижаться за их упоминание, но они не там, где ты их увидел.>⁴

Да, так, видно не я один обезножил. Это плохо: за Бабкой нашему брату видно не угнаться! Жаль и о твоей жинке слышать такие новости. Но, я с тобой совершенно согласен, что всему бывает конец, а хныкать не приходится.

Мои тебе кланяются. Аля, как всегда, мать и кормилица для всех нас. К сожалению, ей уже 50 лет и твоя надежда попасть в крёстные уже неосуществима. Юрик – другое дело – я ещё не теряю надежду, что на мне мой род не пресечётся. Он после морской службы во время войны целых 6 лет болел и не мог встать на свои ноги. Только теперь опять работает как следует по музыкальному учительству и жить будет. Варя впадает в детство и ведёт жизнь совершенно автоматическую.

Любошиц всегда был моим близким приятелем и делал ряд моих фотографий. И он, увы, умер в прошлом году. Дети его дельные ребята и на ногах.

Верочка действительно привезла из большевизии⁵ двух детей 1,5 и 2 года и ушла в них. Она форменная большевичка и ведёт компанию со здешними «товарищами». Я её не вижу. Аля иногда видит.

<Адрес её: mrs. V. Fordham 23, Brookland Kise, London N. W.-H.7. Сделай, пожалуйста, вот что: возьми открытку и пришли мне адрес Бабушки, я его утерял, а надо. Твой всегда любящий Николай. P.S. Не надо – нашёл.>⁶

ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 178. Л. 20–22об. Рукопись. Автограф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров Н. А. Николай Васильевич Чайковский: исторический портрет. Архангельск: Изд. центр ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. 286 с.
2. Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы / под ред. Е. П. Аксёновой и др. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 288 с.
3. Ежегодник Государственного архива Российской Федерации: публикации, исследования, рецензии. М.: Государственный архив Российской Федерации, 2024. 816 с.
4. Политические партии России, конец XIX – начало XX вв. / В. В. Журавлёв, Я. В. Леонтьев, О. Л. Протасова и др. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 902 с.

¹ Речь идёт об «Открытом письме к друзьям», оглашённом 30 января 1926 г. в Париже на юбилейном чествовании Н. В. Чайковского и позднее опубликованном в журнале «Голос минувшего на чужой стороне» (1926. № 3. С. 179–189).

² «Голос минувшего на чужой стороне» – русский журнал истории и истории литературы, издававшийся с 1926 по 1928 г. в Париже под редакцией С. П. Мельгунова и Т. И. Полнера.

³ Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – политический деятель, член партии кадетов, энес, историк, издатель, публицист, участник антибольшевистской борьбы после 1917 г.

⁴ Текст, заключённый в угловые скобки, вписан на полях письма (Л. 22).

⁵ «Большевизия» – публицистический термин, использовавшийся в конце 1910–1920-х гг. преимущественно в эмигрантской среде для обозначения Советской России или режима большевиков.

⁶ Текст, заключённый в угловые скобки, вписан на полях письма (Л. 22об).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трухин Михаил Дмитриевич (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения;

E-mail: aristei2007@yandex.ru

Примак Дмитрий Вячеславович (г. Москва) – студент магистратуры II курса кафедры истории России, факультет истории, политологии и права, Государственный университет просвещения;

e-mail: dv_primak@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail D. Trukhin (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: aristei2007@yandex.ru

Dmitry V. Primak (Moscow) – 2nd-year Master's student, Department of Russian History, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;

e-mail: dv_primak@inbox.ru